

С.А. Красильников*

S.A. Krasilnikov*

**Сфера труда Сибири в освещении
ОГПУ: пролог «чрезвычайщины»
(первая половина 1930 года)**

**The Sphere of Labor in Siberia
in the OGPU Coverage:
Prologue of “Extraordinarity”
(the First Half of 1930)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-1-5

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-1-5

УДК 94(47+571).084.6

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Красильников С.А. Сфера труда Сибири в освещении ОГПУ: пролог «чрезвычайщины» (первая половина 1930 года) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 56–68. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-05.pdf>

Krasilnikov S.N. The Sphere of Labor in Siberia in the OGPU Coverage: Prologue of “Extraordinarity” (the First Half of 1930) // Historical Courier, 2020, No. 1 (9), pp. 56–68. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-05.pdf>

Abstract. Radical shifts in all spheres of life of the early Soviet society, which were later called the “revolution from above”, had as their prologue the rapid growth of social tension and conflict dynamics, inevitably affecting the field of labor and labor relations. Along with the sharp breakdown of agricultural production and the confrontation with the bulk of the peasantry, the institutions of power carried out no less radical measures against workers in the industry and transport (the intensification of production, proclaimed as the goal, was actually carried out in an extensive way, accompanied by the use of mobilization means and a decrease in the living standard of workers in the sphere of production). The mass discontent of the workers, first and foremost, required special attention from the authorities to take into account moods and behavior in the work environment. In this paper, on the basis of office work documentation of the OGPU representative office in the Siberian Territory for the period from January to July 1930, the author considers the main directions of information and awareness activities in the field of analyzing the dynamics of the “political moods” of workers in the region in the context of a systemic crisis of the state and society. The methods and content of coverage by the security officers of the causes and acute forms of manifestation of the protest moods and actions of workers in the basic sectors of the Siberian economy are presented. The demand for security information on “the challenges and threats” by the institutions of power was directly dependent on the general attitude of the Stalinist leadership towards radical solutions to social contradictions and conflicts.

Keywords: OGPU; representative office; Siberia; awareness; information; moods; labor conflicts; strikes; protests.

The article has been received by the editor on 08.01.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Радикальные сдвиги во всех сферах жизнедеятельности раннесоветского общества, названные впоследствии «революцией сверху», имели своим прологом стремительный рост социальной напряженности и конфликтной динамики, неизбежно затронув область труда и трудовых отношений. Наряду с резкой ломкой аграрного производства и противостоянием с основной массой крестьянства, институтами власти осуществлялись не менее радикальные меры в отношении работников в сфере индустрии и транспорта, в то время как провозглашенная как цель интенсификация производства фактически осуществля-

* **Красильников Сергей Александрович**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: krass49@gmail.com

Krasilnikov Sergey A., Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: krass49@gmail.com

лась экстенсивным путем, сопровождалась применением мобилизационных средств и снижением уровня жизни работников. Массовое недовольство, прежде всего рабочих, требовало от власти особого внимания к учету настроений и поведения в рабочей среде. В публикации на основе делопроизводственной документации полпредства ОГПУ по Сибирскому краю за период с января по июль 1930 г. рассмотрены основные направления информационно-осведомительной деятельности в сфере анализа динамики «политических настроений» рабочих региона в условиях системного кризиса государства и общества. Исследованы способы и содержание освещения чекистами причин и острых форм проявления протестных настроений и действий рабочих базовых отраслей экономики Сибири. Востребованность институтами власти чекистской информации о «вызовах и угрозах» находилась в прямой зависимости от общей, принятой сталинским руководством, установки на радикальные решения социальных противоречий и конфликтов.

Ключевые слова: ОГПУ; полпредство; Сибирь; осведомление; информация; настроения; рабочие конфликты; забастовки; протесты.

Рубеж конца 1920-х – начала 1930-х гг., вошедший в историю России в сталинской интерпретации как «год великого перелома», а позднее закреплённый в тексте «Краткого курса» формулировкой «революция сверху» «при прямой поддержке снизу»¹, еще не получил своего устоявшегося и общепризнанного исследователями адекватного научного освещения. Историки едины в оценках масштабности (всеохватность), динамизме (скорость), разновекторности изменений в раннесоветском обществе, произошедших в хронологических рамках 1930–1933 гг. На входе в 1930 г. и на выходе из 1933 г. зафиксированы колоссальные сдвиги во всех сферах жизнедеятельности (политика, идеология, экономика, культура): страна стала иной. Этой констатацией общность оценок историками данного периода завершается. В одних интерпретациях события сопровождаются логикой «иного не дано», в других подчеркивается катастрофичность, цена «перелома» с позиций потерь и трат человеческого потенциала (социально-демографического, интеллектуально-культурного), по ряду измерений сравнимого с ценой Гражданской войны и ее последствий в формально невоенное время (скачок форм, структуры и масштабов государственных репрессий на уровень террора; крестьянские депортации и неконтролируемые миграции, массовое бегство из деревни в города и на стройки; катастрофические размеры смертности от голода и болезней; подрыв потенциала производства сельскохозяйственного сектора экономики и др.).

Цель данной публикации, основанной на рассмотрении информации, которая собиралась и первично анализировалась региональными спецслужбами в первой половине 1930 г. для последующей передачи ее партийно-государственным органам, – попытаться установить, насколько сообщаемые чекистами сведения о «политнастроениях» основных групп трудящихся, прежде всего рабочих, давали возможность институтам власти оценить «вызовы и угрозы» со стороны общества. Одни требовали острого и оперативного реагирования, другие – более «мягких» действий по снятию «точек напряжения».

Вокруг проблемы потенциала делопроизводственной документации спецслужб и оценок данного корпуса источников с точки зрения традиционных для исторической науки критериев, как степень репрезентативности, достоверности и др., велись и продолжаются споры в среде профессиональных историков. При этом следует учитывать, что у разных групп профессионалов сохраняются неравные возможности в доступности к такого рода источникам. Приоритет остается за ведомственными специалистами, которые изучают исторические аспекты деятельности спецслужб «изнутри», чего нельзя сказать о гражданских историках. Хотя есть примеры активного взаимодействия обеих групп исследователей при

---

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): краткий курс. М., 1953. С. 291–292.

подготовке ряда серийных документальных изданий², это не снимает расхождения между ними в оценках полноты, достоверности и тенденциозности чекистской документации.

Весьма характерна позиция одного из руководителей в прошлом архивного подразделения спецслужбы В.С. Христофорова, зафиксированная в ответе на вопрос о заданности и субъективности информации в документах ведомства: «А для чего было органам безопасности приукрашивать положение в стране? Они докладывали высшему руководству, высшее руководство должно располагать объективной информацией, что творится в стране, куда и как мы идем. Поэтому мы считаем, что она была достаточно беспристрастной. Насколько она была объективна, можно убедиться, сравнив сводки, которые готовились в ОГПУ, с другими информационными материалами того периода. Примерно такие же материалы, по аналогичным темам готовились по партийной и военной линии, поэтому их можно сравнить и посмотреть. На наш взгляд, это была достаточно объективная, выверенная информация. К примеру, все наиболее серьезные происшествия описывались и докладывались. Забастовки на заводах, затруднения с продовольствием»³.

С В.С. Христофоровым солидарна исследовательница Л.П. Колодникова, проанализировавшая значительный корпус чекистских источников информационного и учетно-осведомительного характера о положении в стране и настроениях различных групп ее населения в 1920-е гг. Она считает, что данные источники в целом доказывают «высокий уровень информационной деятельности органов государственной безопасности 1920-х гг. Это была поистине гигантская информационная паутина, заброшенная на всю страну и обеспечивавшая информацию из всех регионов. Представляется, что именно документы советской госбезопасности первого десятилетия советской власти впервые свидетельствуют о том, что практически вся страна была целиком охвачена протестным движением. Именно эта информация – а она, как мы видим из документов, в рассматриваемый период уже получила статус государственной, – подвигла кремлевских вождей к принятию единственно возможного в тех условиях – насильственного – способа удержать страну в повиновении. Иным путем пришедшему к власти сталинскому руководству удержать рычаги управления было бы невозможно, а информация в тех условиях оказалась важнейшим инструментом социального контроля»⁴.

Насколько данная позиция отвечает историческим реалиям того времени, рассмотрим на основе корпуса источников, доступного региональным историкам. Сбор и анализ действительно важной и качественной информации в такой достаточно трудно верифицируемой сфере, как политические настроения (массовые, групповые, индивидуальные), требовали от чекистов Сибири известной степени профессионализма, оперативности и скорости в получении и передачи информации «наверх». Работа осуществлялась через собственную агентурно-осведомительную сеть, включая и сведения, получаемые от других структур, делившихся со спецслужбами своими информационными ресурсами.

Выстраивание информации на основе заданных форм и схем с периодичностью ее представления в «директивные органы» требовало от информационных подразделений спецслужб функционирования в достаточно жестком режиме. Принцип упорядочения и стандартизации получаемых различными способами сведений о настроениях, и, шире, поведении, реагировании различных слоев и групп социума, которые требовали повышенного к себе внимания как в силу того, что одни считались опорой режима, а другие опасными, неизбежно порождал определенную установку на лаконичность, «отсечение лишнего» в сообщаемой информации.

Поскольку политические настроения трактовались широко, охватывая несколько уровней, то самым верхним оказывалось население Сибири в разрезе «город/деревня».

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999–2006.

³ Цит. по: Колодникова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века: по документам ВЧК – ОГПУ. М.: Наука, 2009. С. 339.

⁴ Колодникова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века... С. 339–340.

В сфере промышленности и транспорта приоритет отдавался таким базовым для региональной экономики отраслям, как железнодорожный транспорт, горнорудная (прежде всего угольная и золотодобыча), строительная и лесозаготовительная отрасли и ее работникам с акцентом на профессиональные отряды занятых в них рабочих. В то же время обязательной являлась осведомленность чекистов о сквозных, надпрофессиональных темах, охватывавших все профессиональные группы работников (освещение т.н. хозяйственно-политических кампаний, таких как заключение коллективных договоров, форм и масштабов продовольственного кризиса в регионе, мобильности (текучести) рабочей силы, забастовок на производстве и др.).

Согласно данным А.Г. Теплякова, ПП ОГПУ по Сибкраю в конце 1920-х гг. являлось одним из наиболее значительных региональных подразделений в стране, копируя построение центрального аппарата. Краевой аппарат, располагавшийся в Новосибирске, на 1929 г. насчитывал около 200 чел. и состоял из Секретно-оперативного (СОУ) и Административно-организационного (АОУ) управлений. Напрямую с основными сферами экономики соприкасалась деятельность Экономического, Транспортного, а также Учетно-осведомительного (УЧОСО) отделов, отвечавшего за сбор информации о политических настроениях различных групп населения. Территориальные органы в Сибири были представлены сотрудниками окружных отделов, где в зависимости от размеров округов в штате состояли от 10 до 60 человек. Всего же, по некоторым данным, общее число сотрудников спецслужбы достигало тысячи человек⁵.

Учитывая ключевое значение ряда структур, полпред ОГПУ по Сибкраю Л.М. Заковский, возглавлявший краевое чекистское ведомство с 1926 по 1932 гг., расставлял на них надежных и проверенных им людей. Так, начальником УЧОСО-ИНФО он назначил Г.А. Лупекина, который стал фактически его заместителем. Краевой аппарат этого отдела формировался в конце 1929 – начале 1930 г. преимущественно из работников соответствующих отделов окружных аппаратов, что позволяло им следить за периодичностью и оперативностью информации, поступающей в Новосибирск «снизу»⁶. Основным каналом поступления информации традиционно выступала агентурно-оперативная работа, позволявшая получать самые разнообразные сведения, как реального, так и вымышленного характера. Их переработка и оценки, сделанные на этом основании не только чекистами, но и партийным руководством, влияли на принимаемые решения различного уровня. Информация, добываемая негласным путем, могла быть ценной, но в столь же значительной степени могла быть сфальсифицирована, что зависело от способности агентурно-оперативной сети поставлять достоверные сведения, а, следовательно, от ее кадрового, «человеческого фактора». Работа масштабного осведомительного аппарата базировалась на вовлечении в нее практически всех групп взрослого населения, но приоритетное место в качестве поставщиков конкретных сведений отводилось двум диаметрально противоположным категориям – коммунистам и лицам, завербованным из «классово-враждебной среды»⁷.

При этом, как справедливо отмечает А.Г. Тепляков, агентурная информация, в особенности носившая тенденциозный, недостоверный характер, при определенной концентрированности ее подачи приводила к мифологизации опасности и угроз со стороны «внутреннего врага» и дезинформировала политическое руководство страны⁸. Периодические кампании по расширению осведомительной сети через некоторое время сменялись противоположными кампаниями по «чистке» данной сети, показывая значительную неэффективность этой работы на низовом уровне для выявления массовых настроений различных слоев и групп в обществе, недостатков в работе самих органов власти и управления и т.д.⁹ Принимая во

⁵ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ – НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 30–31, 135.

⁶ См.: Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.): сб. док-тов и мат-лов. Новосибирск, 2019. Вып. 2 (1929–1931 гг.). С. 595–597.

⁷ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ – НКВД... С. 131.

⁸ Там же. С. 133.

⁹ Там же. С. 139.

внимание «неудовлетворительное», по мнению самого чекистского руководства, качество агентурно-осведомительной сети, с таким же основанием следует допустить и наличие проблемы с качеством добываемой через осведомителей и агентов информации. С учетом ответственности за недостоверную информацию, идущую «наверх», которую несли чекистские звенья, приходилось проверять и перепроверять сведения по другим доступным им источникам. В результате в немалом, вероятно, числе случаев информация о наиболее значимых событиях, происшествиях, конфликтах и т.д., поставлявшаяся чекистами, дублировала сведения и без того поступавшие во власть по другим линиям (партийной, советской, хозяйственной, профсоюзной и т.д.).

В деле фиксации и оценки крупных конфликтов на производстве существовало несколько подходов к их разрешению. Первый исходил из типа, характера собственности предприятия, где конфликт происходил, т.е. его принадлежности либо к государственному, либо кооперативному, либо частному/концессионному сектору. Конфликты – забастовки, стачки, «волынки» (данный термин применялся к конфликтам на государственных и кооперативных предприятиях), несмотря на общие причины, носившие экономический характер (заработная плата, условия труда и быта и т.д.), оценивались по-разному. На государственных и кооперативных предприятиях речь шла о недопущении, пресечении забастовочных действий. Напротив, трудовые протесты работников частного/концессионного секторов экономики поощрялись.

В подготовленной профсоюзными органами сводной таблице забастовочного движения в Сибири за 1927–1930 гг. было зафиксировано 49 острых конфликтов¹⁰. Подавляющее их большинство завершалось урегулированием конфликтовавших сторон (работники и наниматели), однако некоторые (4) сопровождалась силовым вмешательством («вмешательство ОГПУ», «арест части рабочих», «арест предпринимателя»). Так, в оперативной сводке УЧОСО ПП ОГПУ по Сибкраю от 22 декабря 1929 г., где сообщалось об объявлении сотней рабочих на золотых приисках Каменского округа забастовки по стандартным причинам (низкая заработная плата, перебои с продовольствием, отсутствие спецодежды), в графе «Мероприятия» отмечалось: «Со стороны парторганизации проводится разъяснительная работа. Окружным отделом ОГПУ ведется следствие и приняты меры к выявлению организаторов»¹¹.

В практике чекистского оповещения об острых конфликтах в сфере производства выдерживалась определенная градация в оценках характера их возникновения и протекания. Выделялись фазы наличия предзабастовочных настроений и возможностей их перехода в активные проявления. Уже начавшиеся протестные действия в одних случаях характеризовались как «волынки», которые имели сравнительно непродолжительный характер с отказом работников от выхода на производство, но с последующим урегулированием конфликта путем «разъяснительной работы», и конфликты, квалифицировавшиеся как забастовки, где имелись черты организованности. В то же время грань между «волынкой» и «забастовкой» оказывалась нечеткой. Так, протест 600 каменщиков, завербованных в Калужской и Московской губерниях и приехавших на Кузнецкстрой в конце апреля – первых числах мая 1930 г., квалифицировался в чекистской информации как «волынка». При вербовке рабочим были обещаны и оформлены договорами ставки оплаты труда, которые превышали ставки, действовавшие на тот момент на сибирской стройке¹². Прибывшие рабочие потребовали от руководства строительства дать им наряд на работы по расценкам, указанным вербовщиком. До разрешения ситуации каменщики не выходили на работу с 2 по 7 мая 1930 г. Они действовали организованно, выбрав из своей среды групповодов. На предложение уполномоченного ОГПУ (к которому представители каменщиков также обращались за поддержкой) вначале выйти на работу, а затем приступить к разрешению конфликта, умуд-

¹⁰ Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.): сб. док-тов и мат-лов. Новосибирск, 2017. Вып. 1 (1922–1928 гг.). С. 419–430.

¹¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 4. Л. 193.

¹² ГАО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 15. Л. 265.

ренные опытом переговорщики резонно ответили: «Если мы сейчас встанем на работу, а конфликт затянется, то в разгаре работ придется сниматься с работы, и тогда нас почтут за настоящих забастовщиков, лучше уж сейчас уехать отсюда»¹³. Коммунисты, направленные «для разъяснительной работы» в бараки для прибывших каменщиков, столкнулись с еще большей неприязнью («если вы сами рабочие, то все равно ничего не сделаете»). В результате переговоров с групповодами руководства Кузнецкого округа 7 мая удалось добиться некоторого компромисса и сближения позиций двух сторон. На следующий день 250 каменщиков вышли на работу, однако по информации ОГПУ на 14 мая 1930 г., «остальные не выходят до сих пор, и часть из них уже уехала обратно»¹⁴. Впоследствии чекисты сообщали о завершении конфликта так: «Благодаря принятых мер к урегулированию вопроса рабочие через 20 дней приступили на прежних условиях к работе, хотя часть рабочих все же уехали обратно»¹⁵. Из приведенной информации неясно, что подразумевалось под «прежними условиями», однако очевидно, что здесь имело место компромиссное решение, устраивавшее обе стороны конфликта. Отметим также, что данная информация содержалась в сводке от 1 июля 1930 г., где конфликт был обозначен как «забастовка». Здесь необходимо отметить организованную неуступчивость рабочих, прибывших из европейской части страны, часть из которых имела опыт работы на крупных стройках (Волховстрой), поэтому конфликт с ними и частичный их отъезд со стройплощадки осложнил ситуацию с дефицитом квалифицированных рабочих кадров на Кузнецкстрое. Примечательно, что в то же самое время (с 12 мая) в Кемерово на стройплощадке Сибугля протекала аналогичная забастовка 62 каменщиков, также прибывших в Сибирь по вербовке из России¹⁶, что, возможно связано с установлением связей между протестовавшими в различных городах рабочими-каменщиками.

В контексте рассмотрения острых конфликтов в сфере производства в первой половине 1930-х гг. чекистами отмечалась устойчивая тенденция высокой напряженности во взаимоотношениях работников и работодателей при сохранении базовых причин их возникновения (продовольственный кризис, неудовлетворенность расценками, несвоевременная выплата заработной платы). Поэтому учитывалась возможность перерастания предзабастовочных настроений в массовые протесты в любом месте и в любое время там, где несвоевременность или неумение хозяйственников в союзе с местными партийными и государственными органами и в координации с профсоюзными лидерами не позволяли снять возникавшую конфликтность. Среди конфликтов второй половины мая 1930 г. отмечались три случая забастовки (две в строительной сфере и одна в лесной отрасли). И если строительные рабочие проводили краткосрочные протесты на почве «недоснабжения продовольствием», и их требования были урегулированы переговорами, то на лесозаготовках Сиблестреста (Казачинский р-н) возникла ситуация, содержательно варьирующая «вольнку» каменщиков на Кузнецкстрое. Сорок девять рабочих, привезенных по вербовке (оргнабору) из европейской части страны, были привлечены достаточно высокими ставками оплаты труда. По приезде администрация треста объявила рабочим сниженные ставки, уговорив, однако последних к выходу на работу. В течение двух месяцев рабочие трудились, не имея расчетных книжек, получая только небольшие авансы. Объявив забастовку, продолжавшуюся три дня, рабочие добились удовлетворения своих претензий к администрации¹⁷.

Наблюдалась прямая связь массовых предзабастовочных настроений с обострившимся продовольственным кризисом и перебоями в снабжении городского населения и рабочих промышленных предприятий. В наиболее острой форме это выразилось в событиях в Барнауле во второй половине мая 1930 г. Снижение с 16 мая суточной нормы выдачи хлеба рабочим (до 600 г.) и членам их семей (до 150 г.) вызвало резкую реакцию рабочей массы:

¹³ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 15. Л. 266.

¹⁴ Там же. Л. 268.

¹⁵ Там же. Л. 422.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 474. Л. 11.

«На овчинном заводе 20 мая не вышло на работу 25 человек. 21 мая на кожзаводе не вышло на работу 20 человек. На пимзаводе за период 20–21 мая директору завода было подано до 50 заявлений рабочих об увольнении с завода. На Алтметаллзаводе за период с 20 по 24 мая уволилось 11 квалифицированных рабочих – слесарей, токарей и формовщиков – всего с ранее уволившимися Алтметаллзаводу остро недостает 38 чел. квалифицированных рабочих»¹⁸. Социальная напряженность на производстве подпитывалась и сочеталась с активизацией действий жен рабочих, протестовавших против снижения норм выдачи хлеба членам семей рабочих. По информации чекистов, 16 и 17 мая 1930 г. жены рабочих группами до 40 человек протестовали перед квартирой председателя Барнаульского окрисполкома с требованием «Дайте хлеба», а около 100 жен рабочих, собравшись толпой перед проходной кожзавода, помимо аналогичных требований, выкрикивали «угрозы избиением коммунистов и ответработников»¹⁹. Однако, несмотря на накал протестных действий, остановки производства в г. Барнауле не произошло. Рабочие отдавали себе отчет в том, что в случае увольнения они теряли жизненно необходимую возможность гарантированной, пусть и уменьшенной нормы продовольственного пайка для себя и членов семьи.

Функциональным ядром текущей осведомительно-информационной и охранительной деятельности чекистского аппарата являлась фиксация и оценка причин, характера динамики кризисных ситуаций, социальной напряженности и конфликтов. Безусловно, следовало учитывать, прежде всего, выявившиеся тенденции и векторы их действия. Большинство из них относились к т.н. фоновым, контекстным, которые к моменту подачи информации проявлялись/формировались и действовали на протяжении достаточно длительного времени и выступали своего рода константами, факторами постоянной напряженности и конфликтности. Среди них в формате социально-трудовых отношений выделялись «чисто» экономические факторы (заработная плата, условия труда и быта и т.д.), которые увязывались с социальными аспектами (взаимоотношения внутри производства, ухудшение снабжения, условий жизни), а также аспектами, приобретающими политическое значение (восприятие и оценка партийно-государственной политики в социально-экономической сфере).

Самой «болевым» точкой политики в сфере труда являлась линия на интенсификацию производства (по сути, осуществлялось повышение уровня эксплуатации путем снижения расценок и повышения норм выработки, что влекло за собой снижение заработной платы). Фактически шло ужесточение процесса труда через введение с 1929 г. установок директивного характера (непрерывность на производстве, соцсоревнование, укрепление «вертикали власти» на предприятиях) при попытке решения одновременно двух задач: рост объемов производства и производительности труда без необходимых мер, обеспечивавших их решение – т.е. стимулирование труда; создание соответствующих условий труда; недопущение сокращения реальной заработной платы при растущих розничных ценах на продукты и товары первой необходимости и в условиях их дефицита (с введением нормированного снабжения при резком ухудшении ситуации со снабжением через рынок, где произошел скачок цен с середины 1929 г. и усилился в первой половине 1930 г.).

Негативно влиявшим на состояние рынка труда фактором выступал колоссальный разрыв между нуждами и планами развития экономики и обеспечения ее рабочей силой различной квалификации. Неготовность к «рывку» в этой сфере привела к «гибридному решению»: помимо Наркомат труда, не справлявшегося с возросшими масштабами плановой вербовки, в Сибири была разрешена самостоятельная вербовка рабочей силы крупными хозяйственными организациями. Последние же, также испытывая дефицит рабочих рук, допускали их стихийный приток на производство («самотек»). Неконтролируемый прилив рабочих рук в города и на стройки (фактическое беженство), обусловленный событиями в деревне, таил в себе, по мнению институтов власти, значительные опасности. В 1930 г. не только осведомление о «проникновении кулачества на производство», но и жесткие меры по «фильтрации»

¹⁸ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 474. Л. 12 об.

¹⁹ Там же. Л. 13.

деревенской миграции становились для чекистских структур их прямой обязанностью. Сказанное иллюстрирует положение о тесной взаимосвязи осведомительно-информационной и охранительно-репрессивной функций в чекистской работе.

Очевидно, что информацию о состоянии дел в экономике и о положении рабочих, условиях их труда и жизни институты власти достаточно оперативно получали из различных источников. Но более существенным является другой ракурс чекистского осведомления – информация об узлах напряженности и конфликтах, уровне их распространенности, глубины и опасности. Одним из показателей наличия кризисных точек может служить информация о проявлениях кризисных (негативных) событий, особенно вызванных недовольством действиями и политикой власти.

В чекистском отчете о проведении в конце 1929 – начале 1930 г. кампании по перезаключению коллективных договоров между трудовыми коллективами в лице профсоюзов и администрациями предприятий спецслужбой отмечалось явно недостаточное внимание к развертыванию «массово-разъяснительной работы» и «недопонимание политической важности вопроса». При этом в качестве одной из причин, осложнявших положение, называлось отвлечение внимания партийных и профсоюзных структур на проведение хлебозаготовительной кампании: в ноябре в окружных и даже краевых профорганах подавляющее большинство функционеров «были в командировках по хлебозаготовкам»²⁰.

Была также зафиксирована совершенно очевидная тенденция, наметившаяся еще при перезаключении договоров в 1928 г. – угасание потенциала самих договоров в глазах как работников (работники встречались со значительными организационно-бюрократическими трудностями в отстаивании ряда договорных положений), так и администрации. Имея целью выработку планов, хозяйственные руководители сознательно шли на нарушение статей коллективных договоров, которые служили для этого помехой (прием работников помимо Биржи Труда, наем временных рабочих с частым их увольнением, производство несогласованных с профорганами сверхурочных работ, несвоевременность и задержки выплаты заработной платы и др.). Падение функций надзора и проверки за соблюдением договорных отношений со стороны не только низовых звеньев профсоюзов, но и органов Наркомата труда иллюстрировалось следующим примером: «На Черногорских угольных копиях, на заседании райкома ВКП(б) 31/Х-29 г. окр[ужной] инспектор труда настаивал на дачи выговора и предания суду администрации копей, за явно халатное отношение последних к выполнению обязательств договора и систематическое неснабжение рабочих водой, дровами, спецодеждой и квартирами. Но Райком ВКП(б) и Райком С[оюза] Г[орнорабочих] на это не согласились и никаких мер взысканий на администрацию не наложили»²¹. Чекисты констатировали: «Довольно значительные случаи невыполнения администрацией предприятия обязательств предыдущего договора – в еще большей степени способствовали укреплению в сознании некоторой части рабочих скептического, недоверчивого отношения к участию в заключении нового кол[лективного] договора»²².

Отмеченные выше настроения работников не могли не сказаться на ходе обсуждения новых договоров и выражались либо в срыве собраний, либо в представлении профсоюзами недостоверных и завышенных цифр о явке работников на собрания (наиболее распространенным был двойной учет присутствовавших). Данный момент (перепроверка этих сведений на ряде примеров, зафиксированных чекистами через своих информаторов) характерен тем, что спецслужбы отмечали манипулирование профсоюзными структурами своей отчетностью²³.

Чекисты фиксировали широко распространенное критическое отношение рабочих к действиям администрации, но при этом разделяли критику на «здоровую» и «рваческую». К последней относили выступления рабочих с требованиями снижения норм выработки,

²⁰ Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.)... С. 228.

²¹ Там же. С. 232–233.

²² Там же. С. 234.

²³ Там же. С. 235–236.

повышения заработной платы и т.д., подчеркивая, что они исходили из среды «наиболее отсталой части рабочих, особенно из числа новых кадров». Однако признавалась и распространённость их поддержки другими группами рабочих в силу «имеющихся продзатруднений, дороговизны жизни и пр.»²⁴. В февральском обзоре приведено выступление одного из рабочих Бериккульского золотодобывающего рудника, в котором чекисты, очевидно, могли усмотреть переключку с девизом эсеровской партии, а потому квалифицировали его как имевшее «ярко выраженный демагогический характер»: «Мы должны требовать увеличения зарплаты, увеличения выдачи спецодежды, а если не будем требовать, зажмут в кулак, мы должны выбросить теперь такой лозунг: “в борьбе с хозяйственниками найдешь ты право свое”»²⁵.

Одной из принципиально важных функций спецслужб являлось выявление и оценка политических настроений в среде трудившихся групп населения, прежде всего рабочих, поэтому следует проанализировать тот алгоритм структурирования и подачи информации, который содержался в докладах и обзорах ПП ОГПУ. Важно отметить значение преамбул, кратких вводных частей к основной информации. Так, в обзоре ПП ОГПУ от 6 апреля 1930 г., хронологически охватившем период конца 1929 и первый квартал 1930 г., отмечалось «некоторое ухудшение» «общего политического состояния рабочих сибирской промышленности» вследствие действия следующих негативных факторов: общих для страны трудностей (ухудшение снабжения населения продуктами и товарами первой необходимости) и «ненормальных условий работы»; и усиленного притока на производство пополнения из деревни – кадров «политически слабо устойчивых и в сильной степени зараженных нездоровыми настроениями, а также значительным проникновением на производство кулацко-чуждого и нежелательного элемента»²⁶.

Здесь чекистами признавалось, что на ухудшение политического настроения рабочих влияют совершенно конкретные явления («продзатруднения» и «ненормальности на производстве»), имевшие повседневное воздействие на восприятие и поведение рабочих различных профессий примерно в одинаковой мере. Исходя из этой логики, дальнейшая динамика в данной сфере может либо стабилизироваться на низком потребительском уровне, либо еще более ухудшиться. Сложнее подобрать критерии оценки влияния (уровень влияния) на политические настроения рабочих другого «отрицательного» фактора, также имевшего постоянный характер воздействия – «нового» и в его составе «нежелательного» пополнения из деревни (высокий, средний, низкий, устойчивый, сильный, слабый уровень).

Примечательно, что для чекистов вопрос продовольственный, очевидно, перерос экономическое значение и перемещался в политическую плоскость. Однако в информации чекистов он подается преимущественно в деполитизированном виде – как просчеты и промахи товаропроизводящей и снабженческой системы, особенно средних и низовых ее звеньев. Обзор за апрель 1930 г. изобилует конкретными примерами хищений, порчи продуктов, усугубленными общим ростом цен на отпускаемые продукты и товары первой необходимости в государственной и кооперативной торговле: «Неудовлетворительность рабочего снабжения в значительной степени должна быть отнесена за счет недопустимо слабой деятельности кооперативно-торговых организаций. Последние проявляют полнейшую несостоятельность, неповоротливость, неумение наладить правильное и бесперебойное снабжение рабочих продуктами питания и предметами первой необходимости, – даже и при наличии имеющихся возможностей»²⁷.

В то же время в обзоре признается, что рабочее недовольство продовольственным кризисом начинает перетекать в плоскость поиска причин сложившегося положения в самой государственной политике. В качестве примеров приводятся эпизоды собраний на производстве в конце 1929 – начале 1930 г., где рабочих информировали о переходе на единый план

²⁴ Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.)... С. 237.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 240–241.

²⁷ Там же. С. 248.

централизованного снабжения основными продуктами питания, по которому нормы пайкового снабжения оказались урезанными как для работающих, так и для членов их семей. Тогда к протестам беспартийных стали присоединяться и члены ВКП(б). В обзоре особо отмечалось, что факты такого рода «в общей массе недовольств рабочих занимают значительное место»²⁸.

Массовое недовольство рабочих продовольственным кризисом подпитывалось также и тем, что связывалось с событиями в деревне («в значительном большинстве случаев эти недовольства увязываются с отрицательным отношением к проводимой политикой Соввласти в деревне»), и вовсе не в том направлении, в котором официальная пропаганда увязывала этот кризис с «кулацкой борьбой против власти». Практически полное прекращение функционирования крестьянских базаров в городах, которые служили в прежнее время компенсаторным механизмом в условиях слабой работы торгово-кооперативных организаций, воспринималось в массовом сознании как удар не только по деревне, но и по уровню жизни рабочих: «Как начали раскулачивать, так мяса не стало, уничтожают кулаков и кроме них не у кого купить мяса, вот и выполняй пятилетку и ешь конину. (Машинисты депо ст. Красноярск)»²⁹.

Чекистские аналитики фиксировали влияние «продзатруднений» на новый и воспринимаемый как дестабилизирующий ситуацию на производстве фактор, каким стала «текучесть и засоренность рабочего состава». В данном контексте ухудшение уровня жизни естественно порождало бегство с производства в поисках лучших условий заработка и жилья. Как выразился один из анжерских шахтеров с большим производственным стажем работы, «рыба ищет где глубже, а человек – рабочий ищет где лучше. С такими порядками как здесь никогда не изживем текучесть»³⁰.

В обзоре приводятся известные из других источников (прежде всего от хозяйственных руководителей крупных производств и органов Наркомата труда) сведения о масштабах текучести кадров (например, в угледобывающих районах Кузбасса за последние полгода прибыль и убыль рабочей силы практически сравнялись) и их причинах. Среди них отмечались миграционные потоки в противоположном направлении, а именно сезонный отток рабочих – выходцев из деревни в связи с весенними сельхозработами и приток рабочих рук из деревни на производство, в немалой степени протекавший стихийно, в форме беженства, а не только по вербовке. Кроме того, в информации чекистов появилось новое направление в осведомлении, обозначенное как «проникновение на производство кулаков и торговцев». Сведения такого рода собирались из различных источников, в т.ч., по данным окружных Бирж труда, кадровых служб предприятий и учреждений, которые обязывались, как и милиция и чекисты, выявлять такого рода «враждебные элементы». И хотя сводных цифр по Сибири на весну 1930 г. о масштабах «засорения» кадров не приводилось, однако отмечалась повсеместность данного явления. Только по четырем крупным городам (Новосибирск, Щегловск (Кемерово), Барнаул и Иркутск) к марту 1930 г. совместными усилиями было выявлено по 500 и более «бежавших кулаков»³¹. В спецсводке ПП ОГПУ «О проникновении на предприятия сибирской промышленности кулаков и торговцев», датированной 6 апреля 1930 г., выделялись основные каналы данного проникновения, где оно приобретало групповые, организованные формы. Это извоз, куда принимались крестьяне-возчики на своих лошадях, организуя даже свои артели (Новосибирск, Барнаул и ряд других городов): «Особенное засилье кулачества до последнего времени имелось в составе возчиков Барнаульского отделения Автопромторга. Ввиду острого недостатка тягловой рабочей силы Автопромторг, идя по линии наименьшего сопротивления на работу брал всех имеющих лошадей без разбора. Кулачество [...] усиленно повалило на работу в Автопромторг, в результате из 272 возчиков оказалось 70 чел. кулаков (Произведена чистка состава

²⁸ Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.)... С. 245.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 237.

³¹ Там же. С. 253.

возчиков)»³². Другим, еще более мощным каналом притока «кулачества», выступали строительные работы, где организации, испытывая дефицит, в т.ч. неквалифицированной рабочей силы, принимали выходцев из деревни помимо Бирж труда. Проверка состава вновь принятых рабочими на строительство «Сибкомбайна» (Новосибирск) в феврале 1930 г. повлекла за собой увольнение 80 человек³³. Отмечалось широкое распространение практики использования при приеме на работу подложных документов, включая и реально получившиеся «кулаками» от сельсоветов справки о том, что они крестьяне и не лишены избирательных прав.

Отмеченные выше факты суммировались кратким резюме о возникновении на этой почве такого опасного явления на производстве, как «вредительство со стороны рабочих»: «Моменты текучести рабочей силы, преобладание на производстве рабочих с малым производственным стажем, главным образом, выходцев из деревни и особенно засоренность состава последних чуждым и нежелательным элементом, – в очень большой степени объясняют наблюдающиеся и до последнего времени широко распространенные случаи нарушения труддисциплины, халатного отношения к производству, рвачества, а также и вредительства со стороны рабочих»³⁴. При этом чекисты констатировали в апреле 1930 г., что в рабочей среде такого рода действия, как вывод из строя техники, простой в работе, нарушение трудовой дисциплины и др., вызывались в немалой степени протестами и реакцией с целью «срыва социалистических темпов и методов работы [...] затормозить рационализацию, переход на уплотненную неделю, усиление трудовой дисциплины и т.д.»³⁵.

Данная констатация примечательна в следующих отношениях. Ранее в широкой трактовке феномен «вредительства» рассматривался исключительно в приложении к т.н. буржуазным спецам, технической интеллигенции. В конце 1920-х гг. власти столкнулись с неизбежностью учитывать ставшее распространенным явление «низового» рабочего протеста, перешагнувшего в своих действиях через черту, за которой начинались криминальные преступления. Приходилось констатировать, что социальная напряженность и конфликты, привычно относимые к сфере взаимоотношений рабочих и административно-технического персонала, привели к возникновению нового конфликтного узла, теперь уже внутри рабочей среды: между передовиками и «ударниками социалистического соревнования» и основной массой рабочих. В обзорах политнастроений рабочих с начала 1930 г. появился раздел «проявление хулиганства». Так, в обзоре ПП ОГПУ от 6 апреля он сопровождался следующей преамбулой: «Помимо фактов вредительства, за последнее время далеко не единичные случаи отмечаются со стороны отдельных деклассированных элементов на производстве[,] факты резких хулиганских проявлений. Некоторая категория последних граничит с явным политхулиганством и в основном сводится к угрозам и избиениям отдельных передовых работников, активно участвующих в соцсоревновании. При этом заслуживает внимание в ряде случаев, крайне халатное и невнимательное отношение профессиональных и партийных организаций на предприятиях к этим нездоровым явлениям»³⁶.

Если не считать конкретизации реальных событий/происшествий, то сам язык сводок выдержан в формате советского бюрократического «новояза», особенно когда это касается характеристики тенденций политических настроений и их оценок. Применительно к восприятию рабочей средой мобилизационных действий («соцсоревнования»), чекистские документы насыщались именно такой терминологией: «Несмотря на наличие значительных достижений и положительных результатов, – недочеты и ненормальности в ходе соцсоревнования и до сих пор продолжают оставаться значительными [...]. В ряде случаев, инициатива рабочих в деле соцсоревнования не только не встречает должной поддержки со

³² ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 15. Л. 183 об.

³³ Там же. Л. 184.

³⁴ Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.)... С. 255.

³⁵ Там же. С. 255.

³⁶ Там же. С. 257.

стороны хозяйственных и союзных организаций, а наоборот – противодействие. Наличие этих недочетов и особенно не прекращающиеся производственные ненормальности и неполадки, – в сильной степени нервируют рабочих, вызывая в ряде случаев отрицательное отношение к соцсоревнованию»³⁷. И хотя адресаты чекистов адекватно воспринимали значение приведенных слов и то, что стояло за данными терминами и оборотами, следует отметить явную «засоренность» сводок и обзоров «новоязом». Первую группу такого рода оценочных оборотов представляли те, что характеризовали градацию настроений и действий рабочих: «нездоровые, упаднические, рваческие, чисто шкурнические настроения» «политхулиганство» и т.д. Вторую группу представляли оценки действий органов власти и управления, где обороты типа «ненормальные условия работы», «ненормальности в деятельности кооперативно-торговых организаций» и др. перемежались партийно-бюрократическим сленгом: «безобразия и головотяпство», «засоренность/чистка состава», «халатное/невнимательное отношение», «болезненные, нездоровые, ненормальные явления», «зажим самокритики», «обезличка», «разложение партколлектива».

Чекистское делопроизводство выступает крайне важным источником для современных исследователей. Его потенциал позволяет реконструировать важнейшие для понимания механизмы и технологии воздействия институтов власти на различные группы социума, где роль и значение осведомительной информации спецслужб трудно переоценить. В то же время нет оснований безоговорочно относиться к этому делопроизводству как к абсолютно надежному и беспристрастному источнику сведений, особенно в сфере оценки угроз для власти со стороны тех групп, которые считались опорой власти – рабочих. Социальная напряженность и конфликты в сфере труда присутствовали на протяжении всех 1920-х гг., однако их природа и формы проявления носили главным образом социально-экономический характер и не переходили ту грань, за которой в рабочей массе могли формироваться реальные антигосударственные политические протесты и действия. Чекистские сводки, обзоры и другие сведения, передаваемые «наверх» и фиксировавшие действительный рост протестных настроений в среде рабочих информировали о том, что основными факторами, их вызывавшими, являлись кризисная повседневность («продзатруднения», резкое ухудшение условий труда и уровня жизни рабочих и др.) и просчеты власти, допускавшие и усугублявшие кризисные ситуации. Однако очевидно и то, что подобного рода негативная информация, аккумулированная в чекистских источниках, явилась одной из причин перехода сталинского руководства в 1930 г. к радикальным действиям, однако без их очевидной массовой поддержки «снизу».

Литература

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): краткий курс. М.: Госполитиздат, 1953. 338 с.

Колодникова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века: по документам ВЧК–ОГПУ. М.: Наука, 2009. 479 с.

Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.): сб. док-тов и мат-лов. Новосибирск: Омега принт, 2017. Вып. 1 (1922–1928 гг.). 584 с.

Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.): сб. док-тов и мат-лов. Новосибирск: Омега принт, 2019. Вып. 2 (1928–1931 гг.). 636 с.

Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф, 2008. 632 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виола. М.: РОССПЭН, 1999–2006: в 5 т.

References

³⁷ Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.)... С. 262–263.

Istoriya Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov): kratkiy kurs [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Short course] (1953). Moscow, Gospolitizdat. 338 p.

Kolodnikova, L.P. (2009). *Sovetskoye obshchestvo 20-kh godov XX veka: po dokumentam VCK – OGPU* [Soviet society of the 1920s: according to the documents of the Cheka–OGPU]. Moscow, Nauka. 479 p.

Krasil'nikov, S.A. (Ed.) (2019). *Sotsial'no-trudovye otnosheniya i konflikty v sibirskoy provintsii (1922–1933 gg.): sb. dok-tov i mat-lov. Vyp. 1 (1922–1928 gg.)*. [Social and labor relations and conflicts in the Siberian province (1922–1933): docs and materials. Issue 1 (1922–1928)]. Novosibirsk, Omega print. 584 p.

Krasil'nikov, S.A. (Ed.) (2019). *Sotsial'no-trudovye otnosheniya i konflikty v sibirskoy provintsii (1922–1933 gg.): sb. dok-tov i mat-lov. Vyp. 2 (1929–1931 gg.)*. [Social and labor relations and conflicts in the Siberian province (1922–1933): docs and materials. Issue 2 (1929–1931)]. Novosibirsk, Omega print. 636 p.

Tepliyakov, A.G. (2008). *Mashina terrora: OGPU–NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [Machine of Terror: OGPU – NKVD of Siberia in 1929–1941]. Moscow, New Chronograph. 632 p.

Danilov, V., Manning, R., Viola, L. (Eds.) (1999–2006). *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927–1939: Dokumenty i materialy: v 5 t.* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: Documents and materials: in 5 vols.]. Moscow, ROSSPEN.

Статья поступила в редакцию 08.01.2020 г.